

Александр Шувалов

ВСТРЕЧИ НА ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шувалов

Встречи на тайной войне

«Автор»

2026

Шувалов А.

Встречи на тайной войне / А. Шувалов — «Автор», 2026

Эти двое, самый опасный человек в Азии и офицер ГРУ Большаков, тоже широко известный в узких кругах профессионалов, долгие годы находились по разные стороны тайных войн. Прошли годы и генерала разведывательной службы Китая и директора одной из спецслужб России судьба свела еще раз. Скованных наручниками, в подвале. У них впервые появился общий противник. Книга выходила под названием "Самый опасный человек".

© Шувалов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. В воздухе и на земле.	5
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Часть вторая. Встреча первая.	14
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Шувалов

Встречи на тайной войне

Часть первая. В воздухе и на земле.

Уходящему поколению бойцов посвящается.

Глава первая

Дряхлый «Боинг», натужно, по-старчески кряхтя и кашляя, стартовал из аэропорта столицы одной из бывших союзных республик, а ныне независимого и до упора суверенного государства Средней Азии и взял курс на Москву. Пассажир места 17 А как следует глотнул прямо из горлышка приобретенного в «Дьюти фри» шотландского вискаря. Заел эту односолодовую прелесть крохотной шоколадкой крайне сомнительного швейцарского происхождения. И замер в надежде.

Совершенно напрасной, как тут же и выяснилось. Охвативший его еще у стойки регистрации липкий страх и не думал растворяться в спиртном, хотя «принимать на грудь» он начал еще до посадки. Напротив, сволочь такая, усилился и обострился. Сердце то подпрыгивало вверх, аж к горлу, то норовило рухнуть в самый низ живота. Вытирая превратившимся в мокрую тряпку платком холодный пот с лица, он напряженно вслушивался в гул моторов и скрип корпуса. С ужасом ожидая, что-либо прямо сейчас, либо несколькими минутами позже вдруг выйдут из строя сразу все движки или просто отвалятся крылья.

Бросил короткий взгляд на соседа через проход и тут же искренне того возненавидел. Мирно дремавший или просто сидевший с закрытыми глазами лысоватый плечистый мужчина достаточно почтенного возраста из тех, кого просто не поворачивается язык назвать стариком, волнениями и страхами явно не маялся. И вообще был на вид в полном порядке.

Впрочем, не все так однозначно, как неоднократно утверждал в своем блоге один щирый украинский свидомит, упорно всех убеждающий в том, что он — дочь офицера.

Пассажир, о котором зашла речь, действительно не боялся. Никого и ничего, причем уже очень давно. А вот его, наоборот, боялись многие, порой до нервной икоты. И очень правильно делали.

Дела его, кстати, на тот момент обстояли не так чтобы очень здорово. Скорее, мутно и непонятно. То есть повод для брэнчания нервами присутствовал. Вот только делать это заранее никакого смысла не было. Вот он и не нервничал.

По громкой трансляции искаженный помехами голос объявил о том, что самолет по каким-то невнятным озвученным причинам в самое ближайшее время совершит посадку. Причем не в Шереметьево и вообще не в России, а в аэропорту еще одного независимого государства Средней Азии. Кстати, тоже бывшей союзной республики.

— Нет. — Пожилой мужчина, о котором только что шла речь, открыл глаза. — Не дергайся.

Средних лет персонаж в летнем светлом костюме на секунду замер, пытаясь проглотить незаданный вопрос. Потом кивнул.

— Ясно. А?..

— А ему скажи, чтобы действовал по обстановке. Я сам с ним потом свяжусь. По второму резервному номеру.

— Понятно. — Тот встал из кресла и двинулся по проходу в сторону хвоста лайнера.

Пассажир сказал это, тут же закрыл глаза и, не поверите, не задремал, а просто отключился. И проспал сном младенца до самой посадки.

В зале ожидания к нему, как и предполагалось, подошли. Трое в форме местной полиции и один в штатском. Явно в этой группе — старший. По виду — этнический немец. Их много было в свое время в Средней Азии. И далеко не все возвратились на историческую родину, когда ворота распахнулись.

— Господин Куклин?

— Точно, — не стал отпираться тот.

— Позвольте ваш паспорт.

— Бога ради.

— На каком слоге стоит делать ударение в вашей фамилии, Петр Николаевич? — полюбопытствовал старший, листая документ.

— На каком пожелаете, вы же здесь начальник.

— Смешно, — признал тот, пряча паспорт во внутренний карман пиджака. — Вам придется пройти с нами.

— А что случилось? — изобразил легкое волнение пассажир.

— Просто небольшая формальность, — на голубом глазу соврал персонаж в штатском. — Мы вас надолго не задержим.

— Что ж, — вздохнул тот. — Пройдем, если так надо.

Расположившийся буквально в нескольких шагах спиной к ним за стойкой бара пузатый здоровяк эту комедию наблюдать не должен был. Но наблюдал, в зеркале, что над барной стойкой. Еле слышно выматерился, допил, не торопясь, кофе, расплатился и направился напрямиком в туалет. А оттуда — еще куда-то. И напрасно некоторое время спустя диктор аэропорта на трех языках — государственном, неплохом английском и отвратительном русском — взывал к пассажиру по фамилии Николишин с просьбой поиметь честь вместе с совестью и прибыть-таки на посадку. Пропал куда-то вышеупомянутый пассажир, как в арык нырнул.

Глава вторая

Эскорт, или все-таки конвой, успешно доставил как бы временно задержанного к служебному помещению без таблички на двери. Прогуливавшийся по коридору высокий, спортивно-молодцеватого вида шатен цепко ухватил подошедшего под локоток, сдавив тому при этом руку чуть сильнее, нежели требовалось.

— Прошу вас, — и растворил перед ним дверь.

— Добрый вечер, уважаемый Петр Николаевич, — оскалился в белозубой улыбке восседавший за столом блондинистый здоровяк. — Искренне рады, что нашли время встретиться.

По-русски он говорил абсолютно правильно, даже в интонации не подвирал. Но все равно как-то уж больно бесцветно, так что знающий человек сразу понял бы, что это не его родной язык.

— А я-то уж как рад, — хмыкнул пассажир и без приглашения присел к столу.

Минуту-другую двое, один во главе стола, второй в кресле в углу, с интересом рассматривали вошедшего. А он, в свою очередь, — их. Хотя и без особого интереса.

С хлопцами все было яснее ясного: USA, CIA. Кто же еще может так непринужденно влезать, куда не особо приглашают, и с непосредственностью малого дитяти играть в свои игры. Ох, доиграются когда-нибудь.

— А не испить ли нам кофейку? — предложил персонаж в кресле.

И выразительно глянул на коллегу. Тот все понял правильно: встал, вышел и плотно затворил за собой дверь. Кофе потом, кстати, так и не принес.

— Однако к делу, — поднялся из кресла и пересел за стол. — Ваш самолет вылетает через... — бросил взгляд на висевшие на стене часы. Чуть слышно чертыхнулся — те стояли. Посмотрел на свой хронометр: — Через сорок семь минут. Время дорого.

— Насколько дорого? — поинтересовался пассажир.

— Вопрос по существу, браво, — вяло изобразил восторг сидевший напротив тусклого вида мужичок: редкие волосенки, светлые, опять же редкие ресницы, серая пористая кожа лица. И мощный, напоминающий пеликаний клюв нос. — Очень, очень дорого, причем для вас — персонально.

Вот его-то русский язык явно был впитан вместе с материнским молоком. Причем где-то в районе русского Нечерноземья.

Пассажир никак на этот интересный пассаж не отреагировал, и в воздухе повисла тишина. Сидящий во главе стола ожидал, когда же его собеседник проявит хоть какой-то интерес к разговору: поинтересуется, с кем имеет сомнительную честь общаться, выразит протест, упомянет о последствиях, в конце-то концов.

А тот сидел себе, глядя куда-то в угол, и ни гу-гу. То ли думу какую-то важную думал, то ли просто дремал с открытыми глазами.

— Для начала предлагаю познакомиться, — первым прервал паузу носатый джентльмен. — Ваше настоящее имя мне хорошо знакомо, а меня зовут Михаил. Можно без отчества.

— Привет, Михаил, — разверз наконец уста пассажир. — Как сам?

— Прекрасно, спасибо, — кивнул тот. — Буду краток, ПЕТР, — хмыкнул, — Николаевич. Скоро ваш самолет покинет аэропорт, полагаю, вы бы очень хотели оказаться на его борту. Мы хотим ровно того же.

— Замечательно. — Пассажир сделал вид, что искренне рад. — Ну, я пошел тогда?

— Конечно же, только сначала вам придется ответить на несколько вопросов и...

— И? — проговорил поощрительно пассажир. На самом деле — с легкой, почти неуловимой издевкой. Потому что чувствовал, к чему идет дело.

— И подписать один, ни к чему особо не обязывающий вас документ. — Сидевший напротив тоже был не лыком шит. И не дурак в свою очередь тоже слегка поиздеваться над собеседником.

— Под названием «обязаловка»[1], — продолжил мысль пассажир. — Залог нашей будущей крепкой дружбы. Интересно, а псевдоним вы мне уже подобрали? Грубо работаете, дружище.

Многое в его жизни случалось. И убить не раз хотели, и пытались, и вербовать тоже пробовали. Но не так же, черт подери, в лоб и наивно. Хотя... Хотя и такое случалось.

— Может, и грубо, — прозвучало в ответ. — Только куда вы, на хрен, денетесь? Если прямо сейчас не придем к согласию, имею полномочия доставить вас в одно тихое место для продолжения работы. Там-то вас и выпотрошат, как селедку к водочке. А потом со всеми возможными извинениями отпустят. Может быть. И все, конец карьере. Нам бы очень этого не хотелось. Вам, надеюсь, тоже?

Человек по имени Петр ибн Николаевич только усмехнулся в ответ.

— Ваш выбор. Только давайте уж без ненужных телодвижений. Вы, говорят, мужчина резкий.

— А... — махнул рукой тот, — когда это было.

— Вот и отлично. Тогда пройдемте, нам пора в путь.

Пассажир встал и двинулся на выход. «Ну, Юлик, ну, жучара!»

— Простите, что вы сказали?

— Просто ворчу по-стариковски. Не обращайтесь внимания.

Глава третья

На заднем сиденье большущего, как автобус, внедорожника справа и слева от него устроились двое крупных молодых людей, преисполненных ответственности и ко всему сразу готовых. Вдруг, например, задержанный, разнервничавшись, начнет размахивать руками и сучить ногами или попытается выскочить на ходу. А то и примется звать на помощь.

Всего этого удовольствия служивым тот не доставил. Человек по фамилии как бы Куклин устроился поудобнее, сложил руки на груди, призакрыл глаза и затих. То ли в очередной раз задремал, то ли впал в ступор от всего происходящего. А может, просто задумался. Занятие, говорят, полезное.

Как же он отбрыкивался от этой командировки! Руками и ногами буквально.

— Ну, почему вы так боитесь? — раздраженно выговаривал ему посланец из-за «стены», молодой и крайне деловитый чей-то помощник или даже заместитель. — Смелее надо быть.

Ключевое слово — молодой. Был бы хлопец чуть постарше и самую малость более информированным, может, и уяснил бы, что сидящего перед ним человека при желании можно было обвинить в чем угодно, только не в трусости. Да и не боялся он, просто не верил. Впрочем, по порядку.

Некто Юлий Клементьевич Бондаренко как-то вдруг спустя четырнадцать лет после спешного, больше похожего на бегство отъезда взял в одночасье, да и заскучал по оставленной им отчизне и вознамерился возвратиться на ее бескрайние просторы. К русским березкам, скверным дорогам, некачественной водке и такому родному, в три этажа, мату по поводу и без.

Вышел на кое-кого из власти предержащей и аккуратно озвучил свое желание. Настоятельно при этом попросив, в смысле, потребовав, о встрече на нейтральной территории по своему выбору для обсуждения условий этого самого возвращения. И сообщил, с кем конкретно желал бы беседовать. Дескать, только ему одному и доверяю, потому что долгое время служили бок о бок. Родине. В Главном разведывательном управлении.

Действительно, Бондаренко почти двадцать лет отходил под погонами в этой почтенной организации. А в середине девяностых снял их и принялся работать на тех, кто реально платил. Начинал с «солнцевской группировки предпринимателей», потом некоторое время сотрудничал с гостями столицы со знойного Кавказа. Вершиной его карьеры стала работа с группой близких к Семье бизнесменов. Их потом стали называть олигархами. Трудился Юлий Клементьевич, судя по всему, успешно, потому что и сам выбился в олигархи. Правда, категории light.

В начале нулевых вместе со всеми ними равноудалился из ограбленной и обесчещенной отчизны. Только не в Англию, а в Шотландию. И зажил там в свое полное удовольствие, запивая тамошним элитным пойлом скучный местный хаггис и щемящую тоску по Родине.

Тоже мне, скажете, бином Паркинсона. Ну, уехал, ну, вернулся. В Лефортово прямиком, если срок давности за содеянное не вышел. Делов-то.

Ан, нет. По слухам, всю свою работу на «группу товарищей» Бондаренко, по старой конторской привычке, грамотно фиксировал. Как учили. И возвращаться собрался именно со всеми наработанными материалами. Не потерявшими актуальности и по сей день. В обмен на полный и всесторонний иммунитет, разумеется.

— Чушь, — хмыкнул бывший сослуживец, когда его вызвали кое-куда наверх. Типа, просто посоветоваться. — Полная чушь и бездарная «деза». Нет у Бондаренко никакой «ком-пры» и никогда не было.

— Это еще почему? — взвился некто, облеченный властью.

— Да потому, что он кто угодно, только не полный идиот, — терпеливо, как ребенку, принялся разъяснять тот. — Наличие компрометирующих материалов, тем более такой серьезности, — кратчайший путь на кладбище.

— Вы не понимаете... — и он сразу все понял.

Какой смысл что-то втолковывать человеку, у которого глазки горят, как фонари вечером на Тверской? От перспективы грамотно, с полной доказухой отодвинуть от державного тела конкурентов. И заодно подчистить некоторые неприятные факты из собственного героического прошлого.

В общем, все обставили на редкость умно. Направили его представлять государство на переговоры в одну из стран Средней Азии УСТНЫМ распоряжением, хотя и с самого, можно сказать, верха. Как частное лицо и с паспортом на чужую фамилию. Типа, для конспирации.

Предчувствие его не обмануло. Юлик старому сослуживцу был как бы по-детски рад. Накрыл по случаю встречи шикарную поляну. А потом начались собственно переговоры. Старинный знакомец был искренен, убедителен и логичен. Мысли излагал умно и грамотно. Вот только вел себя при этом... Он ведь долгие годы только числился оперативником, а на деле был информатором и разработчиком. Очень даже неплохим, кстати. За такого троих оперов дают не торгуясь. А вот врать грамотно так и не научился. Полагал, что если при разговоре не прятать глазки, не потеть, не краснеть и не почесываться, то собеседник ничего такого не заподозрит. Простая душа...

Поговорили, в общем. Потом выпили по последней и расстались вполне по-дружески. С этого самого момента и стал фальшивый Куклин ожидать какой-нибудь подянки. Сейчас, получается, дождался.

Машина остановилась у ворот двухэтажного особнячка. Достаточно скромного, к слову. Таких в той же подмосковной Баковке — штук тринадцать на дюжину. Ворота с легким скрипом распахнулись.

Глава четвертая

— Ну, что, надумали?

— Вы о чем, Михаил? — удивился бывший пассажир, а ныне — пленник.

— О моем предложении. Решайтесь уже.

— Уж больно вы суетитесь, дружище. И торопитесь.

— А вы — нет?

— А мне-то куда? Мой самолет уже в воздухе, — грустно заметил как бы Куклин.

— Все не так безнадежно, — молниеносно среагировал старательно набивавшийся в кунаки хлопец из ЦРУ. — Я взял на себя смелость немного задержать вылет. По метеоусловиям, естественно. Ну, решайтесь. И не надо, дружище, бояться. Все будет просто отлично.

Поднял глаза на собеседника. Лицо того выражало вселенскую грусть. И некоторую гадливость.

Что такое, граждане, вербовка? Это принуждение к сотрудничеству. Добровольному или не вполне. Поединок характеров и интеллектов, сложный, как разыгрываемая международными гроссмейстерами шахматная партия, и острый, как схватка фехтовальщиков. По мнению экспертов, естественно, создателей многочисленных засекреченных разработок. А также авто-ров дешевых книжек в мягких обложках.

На деле все гораздо незамысловатей и в то же время эффективней. Во-первых, многие кандидаты и сами глубоко озабочены проблемой, как бы, к кому бы и за сколько завербоваться. И, во-вторых, многие против собственной воли идут на сотрудничество, если их грамотно к нему подводят. Создают условия невозможности отказа. А потом делают, как сказано в инструкции, «предложение в открытой форме». Хотя кое-кто все равно посылает вербовщика в пешее путешествие по известному адресу. Это уже в-третьих.

Таки образом, процесс вербовки премьер-министра или просто министра за компанию с членом парламента лощеными элитарными сотрудниками спецслужб не намного отличается от аналогичных действий похмельного участкового, склоняющего к стуку прибалтленного алкаша. Или находящегося под «условкой» распальцованного «баклана». Разница только в костюмах, интерьерах и размерах гонораров, конечно же.

И совсем уж примитивным, буквально как мычание буренки на лугу, этот процесс сделался после окончания «холодной войны». Спецслужбы страны-победительницы очень быстро привыкли всегда и везде вести себя, как войско, ворвавшееся во взятый на шпагу и отданный на разграбление город. То есть, выражаясь фигурально, норовили трахнуть всех и каждого, даже не озаботясь предварительными ласками. И искренне, как-то по-детски обижались, если не шел процесс.

— Отвянь, Мишико, — молвил задержанный. — Надоел уже.

— Ладно. — Незадачливый вербовщик согнал с лица улыбку. — В таком случае вам придется на некоторое время у нас задержаться. Скоро здесь будет один человек, ваш старинный знакомый. Вот тогда и поговорим.

— Как скажешь, — кивнул бывший пассажир.

— Вот именно. — Носатый из принципа оставил за собой последнее слово.

Камеры предварительного заключения в архитектурном плане здания явно не предусматривалось. Именно поэтому ее и не было. Задержанного отконвоировали в подземный гараж, завели в комнату без окон, что-то вроде подсобки, и заперли.

Он остановился у входа и принялся с интересом изучать обстановку. Небольшое, где-то три на четыре метра помещение. Ни стульев, ни тебе дивана. Тусклая лампочка под потолком. Батарея у стены. И прикованный к ней наручником, сидящий на полу пожилой азиат, мелкий и щуплый.

— Добрый вечер. — Азиат глянул на вошедшего, и глаза его на секунду сделались от удивления идеально круглыми. — Вот это да! — Его английский был безупречен. — Глазам своим не верю.

— Та же история, — отозвался, кивнув, вошедший. На том же самом языке, но чуть менее изысканном. — Расскажи кому, просто засмеют. Самый опасный человек в Азии, и не только там, — присел на пол рядом, — лучший боевой оперативник китайской разведки сидит у каких-то упырей в гараже, да еще и в наручниках.

— А рядом, — подхватил китаец, — тот самый Большаков, так вас до сих пор называют в конторе? Живая легенда ГРУ.

И дружно, чуть слышно расхохотались.

— Да уж, — продолжил, отсмеявшись, китаец. — Встреча — так встреча. Какая, интересно, по счету?

— Минуточку... — Большаков почесал затылок и принялся загибать пальцы. — Если считать ту, в Афганистане, что почти состоялась, уже пятая. Обалдеть можно.

— Это точно.

Часть вторая. Встреча первая.

Глава пятая

Середина семидесятых прошлого века. Где-то на юго-западе Африки.

Около двадцати двух часов по местному времени.

Ночь, тишина, ароматы экзотических растений вперемешку с вонью явно животного происхождения. Поездка по тамошним местам, да еще в это время суток, да по проблемному с недавних пор району, — дело глубоко интимное, не терпящее суеты и лишнего шума. Зато настоятельно требующее полного внимания и готовности сразу и ко всему. Именно поэтому капитана, едва тот начал травить во весь голос анекдоты и сам же над ними на весь континент ржать, вежливо, но решительно попросили заткнуться.

Что тот и сделал. Но слегка обиделся, потому что был мало того что самым старшим по званию среди пассажиров старенького «козелка», шестьдесят девятого «ГАЗа» без тента и дверок, но и сотрудником особого отдела, портить отношения с которыми в доблестной Советской армии было как-то не принято.

Так и ехали, молча и внимательно, пока где-то минут через сорок весельчак-особист не принялся ерзать. Наконец не выдержал. Протянул длинную, как доклад на отчетно-выборном партийном собрании, руку и хлопнул водителя по плечу.

— Ну-ка, остановись!

Сидящий за рулем Никитин на приказ старшего по воинскому званию отреагировал совершенно правильно, то есть никак. Как ехал, так и продолжил, лихо объезжая крупные выбоины и на ходу проскакивая мелкие. Прапорщик отслужил в спецназе ГРУ около десятка лет и давно усвоил простую истину: сколько бы ни вертелось вокруг и рядом с особо ценными указаниями разного рода начальников, исполнять следует только приказы, отдаваемые собственным командиром. А старший лейтенант Большаков, находился в тот момент на переднем сиденье от него справа и молча вглядывался в темноту.

— Мужики, ну поимейте же совесть! — взмолился, не выдержав, особист. — Сил уже никаких нет терпеть!

— Остановись, — негромко скомандовал старший лейтенант.

— Сейчас. — Никитин миновал здоровенную, как после бомбежки, ямищу и прижался к обочине. — Извольте.

— Вот спасибо-то, — обрадовался капитан.

— Только недолго, — предупредил, зябко поведя плечом, Большаков.

Не потому совсем, что по ночам в Африке вопреки сразу всем расхожим мнениям вовсе не жарко. Просто вдруг сделалось тревожно.

— Понял, — кивнул особист. — Даже соскучиться не успеете.

Почесал подмышку, и вдруг в руке у него оказался небольшой компактный пистолет. С длинным глушителем. Два негромких, как будто пчелка чихнула, выстрела слились в один. Не успел упасть на руль с простреленным черепом Никитин, как Большаков стремительно выбросил тело наружу. Приземление, толчок двумя ногами и рыбкой — в придорожные кусты. А там уже...

Ничего этого не произошло, потому что вдруг выключился свет и куда-то пропал звук. Хирургически точный, выверенный удар срубил его в полете.

Капитан выбросил из машины оба тела. Сопя от натуги, оттащил их в придорожные кусты. После чего извлек из одного из многочисленных карманов камуфляжных брюк моток тонкой капроновой веревки. Со знанием дела зафиксировал валявшегося в отключке старлея. Забросил того, как ветошь, на заднее сиденье, присел за руль и завел мотор.

Большаков пришел в себя за некоторое время до того, как его извлекли из машины и поволокли куда-то. Потом вылили на голову ведро воды и принялись хлестать по щекам. Просто не видел смысла раньше времени оживать. Чтобы снова не отключили.

— Ммм... — раскрыл глаза, поднял голову и застонал от боли в черепушке, куда пришелся удар, и рези в глазах, куда ударил свет.

Попробовал было поднять руку, чтобы дотронуться до пульсирующей от боли головы, но не смог. Спеленут был на совесть.

— Эй! — Кто-то довольно чувствительно пнул его под ребра. — Просыпайся, красавчик!

Знакомый, однако, голос и лицо, над ним склонившееся: Юра, капитан Поздняков, оперативный уполномоченный особого отдела.

— Так о чем ты хотел поговорить со мной, Коля?

Глава шестая

Там же, где-то двадцатью часами раньше.

Ночь была просто прелестна. На чистом, без единого облачка небе сияла в обрамлении звезд полная луна. Прохлада и полное безветрие. Тишь, можно сказать, гладь да божья благодать. И светло как днем почти что, хочешь, повышай культурку, в смысле, читай и конспектируй передовицу из «Правды», хочешь с барышней по окрестностям прогуливайся без риска наступить в темноте на что-нибудь ядовито-острое или вступить во что-то дурно пахнущее. Или вообще с ней же голышом купайся, благо озеро — вот оно, прямо здесь. Тихое и гладкое, как подкопченное стекло.

Подошедших на двух маломерных, бесшумно двигавшихся плавсредствах милях на полторы к берегу вся эта пастораль совершенно не радовала. Облаченные в черные «мокрые» водолазные костюмы, шестеро предпочли, чтобы шел дождь и задувал ветер. А ночное светило и прочие планеты были надежно спрятаны за тучами.

Дело в том, что все они, три боевые «двойки», выдвигались на тот берег работать согласно полученному образованию, в смысле, по специальности. Погрузившись без всплесков в темную, в россыпи отраженных светил воду, по-быстрому сориентировались и двинулись в сторону небольшой лагуны на том берегу, единственному месту, где был возможен нормальный выход на сушу. Их путь не сопровождался пузырьками воздуха, потому что эти путники в ночи использовали не обычные акваланги, а подводные аппараты замкнутого цикла, аналогичные советским ИДА-71[2].

Небольшая лагуна на том берегу — симпатичное такое место посреди густо заросших тропической зеленью скал. Каменистое, без малейшего намека на ил дно и пологий выход к пляжу. Мечта туриста, короче. И еще: никаких тебе сюрпризов типа врытых в грунт противопехоток, растяжек и даже скрытно оборудованных постов с пулеметами. Они точно это знали: понаблюдали как следует за объектом последние четыре дня и внимательно выслушали кое-кого, владеющего обстановкой.

Охраной здесь руководил, как видно, обычный пехотинец, исполнявший от А до Я наставление по работе с сухопутными объектами. Поэтому лес и кусты в радиусе ста пятидесяти метров от лагеря были вырублены, даже трава выкошена. А вот о том, что гости неожиданные и незваные могут заглянуть на огонек со стороны воды, никто как-то не подумал. Отдельное за это спасибо.

Эти русские вообще воспринимали наличие озера поблизости исключительно как подарок судьбы: свободные от дежурства воины ловили рыбку, плескались на мелководье, загорали на бережку, играли в волейбол, даже выпивали, спрятавшись от бдительных взглядов отцов-командиров. А как смеркалось, расходились по постам: в усиление по периметру и в выдвинутые вперед дозоры. Спиной, получается, к реальной опасности.

Боевых пловцов было в разы меньше, чем охраняющих объект. Но дел они, уж поверьте, могли натворить о-го-го сколько. Что, собственно, сделать и собирались.

Двигавшийся в авангарде всплыл на поверхность и внимательно осмотрелся. Полный порядок: вход в лагуну вот он, рукой подать. И никакого движения на берегу, ни огонька. Вояки, видно, спят и видят приятные сны. А те, кто бодрствует, бдительно несут службу в ожидании возможного нападения оттуда, где его не будет. Этой ночью, по крайней мере.

Он снова погрузился, подработал ногами и... и угодил в перегораживающую вход в бухточку сеть. Однако.

Запутавшийся в сети самостоятельно выбираться даже не пытался. Опытный был мужчина. Просто просигналил фонариком, и к нему тут же подплыли с двух сторон двое. И при-

нялись осторожно кромсать ножами толстые капроновые нити. Или очень тонкие капроновые веревки.

Когда закрепленный на поплавке колокольчик зазвенел в первый раз, расположившийся в зарослях солдат-срочник востепенел, повернулся к валявшемуся рядом, по виду — дрыхнувшему, Никитину. Набрал полную грудь воздуха, открыл рот.

— Тр... — и тут же смолк. Рот его оказался плотно запечатан широкой ладонью прапорщика.

— Спокойно, воин, — чуть слышно проговорил тот. — Пока ни хрена не вижу, но все слышу. Понял?

Тот закивал головой и что-то такое утвердительное промычал, дескать, вот теперь все стало ясно. Никитин убрал ладонь.

— Лежи и не дергайся. — Поднес к губам портативную рацию и тихонько проговорил: — Ку-ку.

— О-го-го, — донеслось в ответ.

Колокольчик меж тем звонил не переставая. И вдруг умолк.

— Ну-ка, дружок, подвинься. — Никитин прилег к пулемету. — А вот теперь с замиранием сердца ждем. Скоро начнется.

— Ну, — еле слышно подал минут через пять голос боец-срочник. — Что? — голосок у парня подрагивал.

— Терпение, мой друг, — тихонько проговорил прапорщик. — Молчи и жди.

Началось, но не так скоро. Сначала на мелководе появился один-единственный боевой пловец. Уже без аппарата и без маски, зато с оружием на изготовку. Тихонько подплыл к берегу и принялся медленно водить головой вправо-влево и в обратном направлении. Осматривался, получается.

Никитин, в свою очередь, внимательно наблюдал за ним через ПНВ[3] в ожидании того, что вот-вот последует.

Пловец, не оборачиваясь, просигналил фонариком в сторону входа в бухту. И тут же на поверхности появилась голова, через несколько секунд — еще две.

— Две пары на суше, одна в воде, на шухере, как в букваре, — с удовлетворением отметил прапорщик. — Поехали! — негромко скомандовал он, и боец даже не стал спрашивать, куда конкретно.

Ночь вдруг перестала быть томной. Или же, наоборот, внезапно ею стала. Зажегся единственный маломощный прожектор, в луче которого, как на театральной сцене, оказались четверо вышедших на берег пловцов. Ребята были тертыми, поэтому впадать в ступор не стали. Наоборот, повели себя именно так, как в таких случаях предписывается. То есть попытались по-быстрому, не прощаясь, чисто по-английски уйти из гостей.

Как в таких случаях положено: с отвлекающей стрельбой в сторону прожектора и с использованием СДГ — светодымовых гранат.

Но ничего такого сделать просто не успели. Классический, как предполагалось, сухопутчик, тот, что организовывал охрану и оборону объекта, на поверку оказался кем угодно, только не классическим идиотом. Поэтому все предусмотрел.

С двух сторон с замаскированных позиций разом заработали крупнокалиберные пулеметы, полетели гранаты. С берега по воде отработали гранатометы.

Все быстро началось и тут же закончилось. Конец пьесы, точнее, антракт. Можно прогуляться по фойе, сходить в буфет или еще куда. И быстренько — назад, в зал. Продолжение, уж поверьте, последует.

Глава седьмая

Двенадцатью часами ранее.

— Ну, — командир части, целый подполковник Прохоров угрожающе навис вспотевшей горой над мелковатым рядом с ним старлеем. Благо габариты позволяли: около двух метров ростом и далеко за центнер весом. Тут любому впору испугаться. — Доложи-ка мне, начальник паники, какого черта лысого ты меня в такую рань поднял? — Глянул на скромные часы в стальном по виду корпусе: — И сюда высвистал?

— Сейчас все сами увидите. — Старший лейтенант Большаков в свою очередь бросил взгляд на собственный роскошный хронометр, самый настоящий, с добрый кулак размером, «Ориент». Невысокий, достаточно скромного телосложения мужчина лет двадцати пяти, несмотря на столь лестную характеристику старшего воинского начальника, ни взволнованным, ни испуганным не выглядел. — Пройдемте, — и двинулся в сторону озера.

— Да объясни наконец, что случилось? — Подполковник двумя длинными шагами догнал его.

— Доброе утро, товарищи, — явил себя народу приехавший из поселка вместе с командиром майор Круглов по прозвищу Баянист. И тут же активно включился в разговор: — Надеюсь, ночь прошла без происшествий.

Заместитель командира по политической части славился тем, что живо интересовался буквально всем происходящим, умудряясь при этом быть абсолютно не в курсе опять же всего.

— Я о хоре, Виктор Андреевич. — Догнал командира и двинулся с ним в ногу. — Смотр самодеятельности — на носу, а отдельные товарищи... — поймал на лету яростный взгляд начальника, задумчиво почесал нос и замолчал.

На объекте над замполитом смеялись все, даже те, кто до этого вообще не умел этого делать. Когда-то в далекой юности Круглов сподобился, по слухам, отучиться в культпросветучилище где-то на Украине. Позже, каким-то образом умудрившись влиться в ряды доблестной Советской армии, своей главной задачей считал организацию во вверенной ему части непременно чего-нибудь вокально-хореографического, то есть песенно-пляшущего. Искренне веря в то, что все остальное само приложится[4].

— Повторяю вопрос: что конкретно произошло этой ночью, Большаков? — с раздражением в голосе проговорил подполковник.

— Да, что этой ночью произошло? — вставил свои мелкие деньги в разговор представитель партии.

— Гости ночью приходили, — прозвучало в ответ.

— Какие еще гости?

— Они не представились.

— И... что?

— Пришли — не ушли.

На берегу озера был расстелен брезент. Сквозь него проступало что-то темное. Вокруг с жужжанием роились крупные, чуть ли не с воробья размером черно-зеленые мухи. Под брезентом явно что-то было.

Поодаль, пиная с двух ног воздух, вальяжно прохаживался здоровяк в камуфлированных портках, резиновых шлепанцах на босу ногу и обтягивающей мощный торс майке-алкоголичке цвета хаки. В детской панамке на коротко стриженной башке.

— Покажи, — распорядился старлей.

— Сей момент, — отозвался тот и сдернул брезент. — Вуаля, пожалте бриться, — не удержался и блеснул цитатой из недавно прочитанного, интеллигент хренов.

Прохоров открыл было рот, чтобы в очередной раз вежливо, по-армейски намекнуть Большакову на некоторые имеющие место случаи откровенного раздолбайства среди подчиненного лично ему состава. Но тут его взгляд упал на то, что было раньше скрыто под брезентом. И слова застряли в горле. Зато устремился вверх выпитый поутру кофе. С яичницей и бутербродами. Зажав ладонями рот, он рванул в сторону кустов.

Зрелище, надо заметить, того заслуживало. Четыре мертвых тела крупными фрагментами. Крайне неаппетитно выглядевшие куски перемолотой, как в гигантской мясорубке, плоти вперемешку с обрывками резиновых водолазных костюмов. Только две головы в более-менее приличном состоянии, но отдельно от туловищ.

Еще два тела, почти целых. Только глаза у покойников вытаращены, как у рыб глубокой заморозки, да уши и носы в крови.

В общем, то, что категорически не рекомендуется к просмотру детям. Да и взрослым тоже, пожалуй.

— Командир, кофе будешь? — нарушил скорбное молчание Никитин.

— Давай, — кивнул Большаков.

— Держи. — Прапорщик налил ароматного напитка в кружку из большого китайского термоса и передал старлею.

Вышедший было из кустов подполковник повел носом на запах и тут же ломанулся обратно, аж кусты затрещали.

— Однако, — подал голос замполит. — И чем это их?

— Этих посекали из пулеметов, — любезно пояснил Никитин. — Ну, и гранатами добавили.

— А этих? — указал на лежащих чуть поодаль двоих.

— Тоже гранатами, но уже на глубине. Не ушли, красавцы, все — здесь.

— Ужас, — поежился Круглов. — А можно и мне немного кофе?

— Легко, — кивнул прапорщик. И глянул с уважением.

Политрабочий, надо заметить, в отличие от старшего по званию и должности, выглядел и вел себя вполне прилично. В кусты не бегал, в обморок грохнуться не норовил. Не побледнел даже. Хорошую, знать, получил в свое время в «кульке» закалку. Или комиссарил в морге до того, как угодить в Африку.

— Что ты наделал, идиот? — заревел, как носорог, появившийся из кустов подполковник. Проблевавшись, он сделался привычно грозен. Не дождавшись ответа, принялся грозить трибуналом. И вдруг как будто сдулся, потому что продолжил уже вполне жалобно: — И что теперь будет?

— Ничего особенного, вполне штатная ситуация: отражение нападения на объект.

— А откуда ты знаешь, что это было именно нападение? — заблажил Прохоров. — Вдруг спортсмены какие-то или туристы?

Все, даже попивающий халявный кофе замполит, молча на него уставились.

— Где доказательства? — не унимался подполковник.

— Вот, — простер руку в сторону истлевшей от времени рыбацкой лодки Никитин. — Любуйтесь.

Четыре пистолета-пулемета, шесть пистолетов, все с глушителями. Противопехотные мины, просто гранаты и гранаты светодымовые. Ножи. Дыхательные аппараты, маски, ласты.

— Кто это был, интересно? — Замполит допил кофе и протянул Никитину кружку. За добавкой.

— Да кто угодно, — отозвался тот. — Хотя, с большей вероятностью, либо штатники, либо боевые пловцы из четвертого подводного отряда ЮАР. Скорее, последние.

— Согласен, — задумчиво проговорил тот. Присел на корточки возле одного из сохранившихся, отогнал ладошкой мух. — Истинный ариец по виду. Пряма-таки Зигфрид какой-то.

Наблюдавший за всем этим подполковник вдруг побледнел и принялся массировать себе грудь в районе сердца.

— Что мне теперь докладывать? — уже жалобно и очень негромко проговорил он.

Не будем строго осуждать отважного воина. Этот эпизод был явно самым ярким за всю предыдущую службу, проходившую в одной из подмосковных придворных дивизий.

— Ничего уже не надо. — Большаков кивнул Никитину, и тот вернул брезент на прежнее место. — Я с утра пораньше известил кого надо в аппарате главного военного советника. Скоро оттуда приедут.

— А кто тебе?.. — начал было Прохоров и замолчал на середине фразы. Ему опять делалось нехорошо.

— Имею все необходимые полномочия, — мягко заметил старший лейтенант. — Так что приготовьтесь рапортовать об успехах. И... — замялся, — смените, пожалуйста, рубашку, а то у вас вся грудь в...

— Так, что у нас тут происходит? — с темными кругами под глазами, благоухающий дешевым, явно не мужским парфюмом и чем-то прочим пахучим, на берегу объявился оперативный уполномоченный особого отдела на объекте капитан Поздняков. Деловитый и бдительный. Как всегда, вовремя. От баб-с.

— Уже все произошло, — устало молвил Большаков. — А подробности вот он расскажет, — кивнул в сторону Никитина.

И пошел себе где-нибудь в спокойной обстановке все обдумать. Благо было что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.